

*Фредди и Джонни,
маленьким мужчинам,
которым она обязана некоторыми из лучших
и счастливейших часов ее жизни,
с благодарностью посвящает эту книгу
их любящая «тетя Уиди»*

Глава 1

НАТ

— Простите, сэр, это Пламфильд? — спросил маленький оборванец, приближаясь к воротам, у которых его оставил омнибус.

— Да, — кивнул открывший ворота мужчина. — Кто тебя прислал?

— Мистер Лоренс. У меня письмо от него к хозяйке.

— Хорошо. Иди прямо в дом и отдай ей письмо. Она позаботится о тебе, паренек.

Мужчина говорил приветливо, и мальчик прошел за ворота, ободренный его словами. Хотя на пробивающуюся из-под земли молодую травку и деревья с набухшими почками лениво моросил весенний дождик, большой дом со старинным крыльцом, широкими ступенями и светом, сиявшим во многих окнах, показался Нату гостеприимным на вид. Ни шторы, ни ставни не скрывали веселых огней, горевших в комнатах, и, чуть помедлив, прежде чем постучать в дверь, Нат увидел множество маленьких теней, танцующих на стенах, услышал приятный гул юных голосов и почувствовал, что весь этот свет, тепло и уют дома, скорее всего, не для таких бездомных «пареньков», как он.

«Надеюсь, что хозяйка все же выйдет ко мне», — подумал он, робко постучав в дверь большим бронзовым дверным молотком с забавным наконечником в виде головы грифона.

Дверь открыла розовощекая служанка, которая, казалось, привыкла встречать незнакомых мальчиков. Она с улыбкой взяла письмо, которое он молча протянул ей, и, приветливо кивнув, указала ему на скамью в передней.

— Посиди-ка здесь, пусть с тебя немного покапает на коврик; а я сейчас отдам это хозяйке.

Скучать в ожидании ответа Нату не пришлось. Он с любопытством разглядывал все вокруг — разглядывал с удовольствием, но радуясь, что может делать это незамеченным, оставаясь в тускло освещенной нише возле самой двери.

Дом, казалось, был полон мальчиков, посвящавших дождливые сумерки всевозможным развлечениям. Мальчики мелькали везде; можно было подумать, что они «и наверху, и внизу, и в спальне хозяйки», так как в открытые двери были видны привлекательные группы больших мальчиков, маленьких мальчиков и среднего размера мальчиков во всех стадиях вечернего отдыха, чтобы не сказать бурной деятельности. Две большие комнаты справа от входа были, очевидно, классными комнатами — там виднелись парты, классные доски, географические карты и разбросанные повсюду книжки. В открытом камине горел огонь, и несколько праздных мальчиков лежали на ковре перед ним, обсуждая новую площадку для крикета* с таким оживлением, что их ботинки так и мелькали в воздухе. В углу высокий юноша упражнялся на флейте, не обращая внимания на весь шум и гам вокруг. Двое или трое других прыгали через парты, изредка останавливаясь, чтобы перевести

* К р и к е т — игра на травяном поле, в которой участники двух команд ударами биты по мячу стараются большее число раз загнать его в ворота противника.

дух и посмеяться над забавными рисунками маленького проказника, рисовавшего мелом на классной доске карикатуры на всех обитателей дома.

В комнате слева можно было видеть накрытый к ужину стол с большими кувшинами свежего молока, горами черного и белого хлеба и великолепных имбирных пряников, столь дорогих мальчишеским сердцам. В воздухе носился аромат поджаренных хлебцев и печеных яблок, весьма мучительный для носа и живота всякого голодного человека.

Сама передняя, однако, представляла наиболее привлекательное зрелище из всех: на втором этаже шла веселая игра в пятнашки, одна лестничная площадка была отведена игре в шарики, другая в шашки, в то время как саму лестницу занимали мальчик, читавший книжку, девочка, убаюкивавшая куклу, два щенка, котенок и постоянно сменявшие друг друга маленькие мальчики, съезжавшие вниз по перилам, с немалым ущербом для их одежды и большой опасностью для их рук и ног.

Ната так увлекло наблюдение за этой волнующей гонкой, что он отважился выйти из своего угла и подходил все ближе и ближе к лестнице; и когда один очень бойкий мальчуган съехал вниз так быстро, что не смог остановиться и со всего маху слетел на пол, Нат забылся и подбежал к упавшему, ожидая найти его полумертвым — и неудивительно: удар был такой силы, что, несомненно, проломленной оказалась бы любая голова, кроме ставшей почти такой же твердой, как пушечное ядро, после одиннадцати лет постоянного набивания шишек. Упавший тем не менее только стремительно поморгал и, оставшись лежать спокойно, лишь взглянул вверх в незнакомое лицо с удивленным: «Привет!»

— Привет! — ответил Нат, не зная, что еще сказать, и находя эту форму ответа краткой и удобной.

— Ты новенький? — спросил лежащий на спине, не двигаясь с места.

— Еще не знаю.

— Как тебя зовут?

— Нат Блейк.

— Меня — Томми Бэнгз. Пошли наверх, прока-тишься. Хочешь? — И Томми вскочил на ноги, как человек, неожиданно вспомнивший о своих обязанностях гостеприимного хозяина.

— Я думаю, не стоит. Ведь я пока еще не знаю, оставят меня здесь или нет, — ответил Нат, чувствуя, что желание остаться растет с каждым мгновением.

— Слышишь, Деми, тут новенький. Иди-ка сюда, займись им! — И бодрый Томас вернулся к занятиям своим спортом с ничуть не охладившейся страстью.

В ответ на его призыв мальчик, занятый чтением, поднял большие карие глаза и после короткой паузы, словно немного стесняясь, сунул книжку под мышку и степенно спустился по ступеням, чтобы приветствовать новичка, который нашел что-то очень привлекательное в приятном лице этого стройного незнакомца с мягким взглядом.

— Ты уже был у тети Джо? — спросил мальчик с книжкой, словно посещение тети было чем-то вроде важной церемонии.

— Нет, я еще никого не видел, кроме вас, мальчиков. Мне велели подождать, — отвечал Нат.

— Тебя прислал дядя Лори? — продолжал Деми вежливо, но серьезно.

— Мистер Лоренс.

— Ну да, это дядя Лори. Он всегда присылает отличных новых мальчиков.

Ната обрадовалось это замечание. Он улыбнулся, и выражение его худенького лица стало очень приятным. Он не знал, о чем говорить дальше, так что новые знакомые просто стояли и смотрели друг на друга в приветливом молчании, пока к ним не подошла маленькая девочка, державшая в объятиях куклу. Она была очень похожа на Деми, только не такая высокая, и лицо у нее было покруглее, порозовее, и глаза не карие, а голубые.

— Это моя сестра, Дейзи, — объявил Деми, словно представляя редкое и драгоценное существо.

Дети кивнули друг другу; на щеках девочки появились ямочки удовольствия. Она приветливо произнесла:

— Я надеюсь, ты останешься. Мы тут так хорошо проводим время, правда, Деми?

— Конечно, для этого у тети Джо и есть Пламфильд.

— Да, это, похоже, в самом деле очень приятное место, — заметил Нат, чувствуя, что он должен ответить своим любезным юным собеседникам.

— Лучшее место на свете, правда, Деми? — сказала Дейзи, которая, очевидно, считала брата непререкаемым авторитетом.

— Нет, я думаю, что Гренландия, где есть айсберги и тюлени, все же интереснее. Но я люблю Пламфильд, и жить здесь очень приятно, — отвечал Деми, который как раз в это время с большим интересом читал книгу о Гренландии. Он уже собирался показать Нат картинку и дать к ним пояснения, когда вернулась

служанка и, указав кивком головы на дверь гостиной, сказала:

— Все в порядке; ты остаешься.

— Как я рада! — воскликнула Дейзи. — Теперь пошли к тете Джо. — И она взяла его за руку с очаровательным видом покровительницы, заставившим Ната сразу почувствовать себя как дома.

Деми вернулся к своей любимой книжке, а его сестра повела новичка в заднюю комнату, где какой-то полный господин с двумя маленькими мальчиками предавались веселой возне на большом диване, а худая дама как раз кончала перечитывать какое-то письмо.

— Вот он, тетя! — воскликнула Дейзи.

— Значит, это мой новый мальчик? Рада видеть тебя, дорогой, и надеюсь, ты будешь счастлив здесь, — сказала дама, привлекая его к себе и отводя мягким движением руки волосы с его лба. Ее по-матерински ласковый взгляд заставил одинокое сердце Ната сразу потянуться к ней.

Она не была красива, но у нее было веселое лицо, которое, казалось, так и не забыло прежних детских улыбок и выражений, и такой же веселый голос и манера обращения; и все это, что так трудно описать, но очень легко заметить и почувствовать, делало ее сердечной, приятной особой, с которой легко поладить, и вообще «славной», как выражались мальчики. Она заметила легкую дрожь губ Ната, когда приглаживала его волосы, и выражение ее зорких глаз стало мягче, но она только притянула фигурку в потрепанной курточке ближе и сказала, смеясь:

— Я мама Баэр; это папа Баэр, а это двое маленьких Баэров. Идите сюда, мальчики, и познакомьтесь с Натом.

Три борца мгновенно повиновались. Полный мужчина с пухлым малышом на каждом плече подошел приветствовать нового мальчика. Роб и Тедди весело улыбнулись ему, а мистер Баэр пожал ему руку и, указывая на низенькое кресло у камина, сказал ласково, от всей души:

— Тут для тебя готово место, сын мой; садись и просуши свои мокрые ноги.

— Мокрые? Ну конечно! Ну-ка, дорогой, снимай сию же минуту туфли, а я живо принесу тебе все сухое, — воскликнула миссис Баэр, берясь за дело так энергично, что Нат не успел и глазом моргнуть, как обнаружил, что сидит в уютном небольшом кресле в сухих носках и теплых домашних тапках. Впрочем, он не стал моргать, а сказал вместо этого: «Спасибо, мэм», — сказал с такой благодарностью, что взгляд миссис Баэр опять стал нежен, и — так уж всегда проявлялась у нее нежность — она заговорила шутиливо:

— Это тапки Томми Бэнгза, но он вечно забывает надевать их в доме, так что пусть обходится без них. Они, правда, слишком большие, но тем лучше: ты не сможешь убежать от нас так прытко, как если бы они были как раз.

— Я совсем не хочу убежать, мэм. — И Нат с долгим вздохом удовлетворения протянул иззябшие грязные руки к уютному пламени камина.

— Отлично! Я собираюсь хорошенько прогреть тебя, и мы попытаемся избавиться от этого противного кашля. Давно он у тебя, дорогой? — спросила миссис Баэр, роясь в своей большой рабочей корзинке в поисках куска фланели.

— Всю зиму. Я простудился, и почему-то он не проходит.

— Ничего удивительного, если жить в сыром подвале, не имея почти никакой одежки! — сказала миссис Баэр вполголоса, обращаясь к мужу, который смотрел на мальчика пронизательными глазами, отметившими и худые виски, и запекшиеся губы, и хриплый голос, и частые приступы кашля, сотрясавшие сгорбленные плечи под залатанной курточкой.

— Робин, мой мальчик, беги к Нянюшке и скажи ей, чтобы дала тебе микстуру от кашля и мазь, — сказал мистер Баэр, после того как обменялся взглядами-посланиями с женой.

Нат взглянул с некоторой тревогой на эти приготовления, но его опасения быстро сменились сердечным смехом, когда миссис Баэр шепнула ему с веселым взглядом:

— Слышишь? Мой проказник Тедди тоже пытается кашлять! Сироп, который я собираюсь дать тебе, с медом; вот он и хочет тоже получить глоточек.

Маленький Тедди весь раскраснелся от своих усилий к тому времени, когда появилась бутылка, так что ему было позволено облизать ложку, после того как Нат мужественно принял отмеренную ему дозу сиропа и позволил обмотать себе горло куском шерстяной фланели.

Эти первые шаги к излечению едва были завершены, когда зазвонил колокольчик и громкий топот в холле объявил об ужине. Робкий Нат содрогнулся при мысли о встрече с множеством незнакомых мальчиков, но миссис Баэр протянула ему руку, а Роб сказал покровительственно:

— Не бойся; ты будешь со мной.

Двенадцать мальчиков, по шесть с каждой стороны, стояли у своих стульев, подпрыгивая от нетерпения,

в то время как высокий флейтист пытался обуздать их пыл. Но ни один из них не сел за стол, пока миссис Баэр не заняла свое место за чайником, с Тедди по левую руку и Натом по правую.

— Это наш новый мальчик, Нат Блейк. После ужина вы сможете познакомиться поближе. Тише, мальчики, тише.

Пока она говорила, все тарасились на Ната, а затем быстро заняли свои стулья, стараясь соблюдать порядок и совершенно не преуспев в этом. Баэры делали все, что могли, чтобы мальчики вели себя хорошо за едой, и обычно это удавалось им довольно неплохо, так как существовавшие в доме правила были немногочисленны и разумны, и мальчики, зная, что мама и папа Баэр хотят, чтобы все чувствовали себя непринужденно и были довольны, старались слушаться. Но бывают времена, когда голодных мальчиков нельзя обуздать без настоящей суровости, и субботний вечер, после весело проведенной половины выходных, был одним из таких моментов.

— Надо давать нашим дорогим хотя бы один день, когда они могли бы вопить, и галдеть, и скакать сколько душе угодно. Выходной не выходной без свободы и веселья, и мои мальчики должны иметь полную свободу раз в неделю, — обычно говорила миссис Баэр, когда какие-нибудь чопорные гости удивлялись, почему под крышей некогда столь пристойного во всех отношениях Пламфильда разрешается съезжать по перилам, драться подушками и играть во всевозможные буйные игры.

Порой казалось, что упомянутой крыше грозит совсем слететь с дома в субботний вечер, но до этого никогда не доходило, так как одно слово папы Баэра

могло в любое время обеспечить полную тишину и покой, и мальчики понимали, что свободой не следует злоупотреблять. И так, вопреки многим мрачным предсказаниям, школа процветала, а манеры и моральные принципы прививались исподволь, так что ученики едва ли замечали, как это делается.

Нат нашел, что ему совсем неплохо за высокими кувшинами с Томми Бэнгзом по одну руку и миссис Баэр — чтобы наполнять его тарелку и кружку так быстро, как он мог опустошить их — по другую.

— А кто тот мальчик рядом с девочкой на другом конце? — шепотом спросил Нат у своего юного соседа под прикрытием общего смеха.

— Это Деми Брук. Мистер Баэр — их дядя.

— Деми? Какое странное имя!

— Его настоящее имя Джон, но они зовут его Демиджон*, потому что его папа тоже Джон. Это шутка, неужели не понимаешь? — сказал Томми, любезно вдаваясь в объяснения. Нат не понимал, но вежливо улыбнулся, и продолжил с интересом:

— Он славный мальчик, правда?

— Еще бы! Знает кучу всего и читает уйму книг.

— А кто тот толстяк рядом с ним?

— О, это Стаффи Коул. Его настоящее имя — Джордж, но мы зовем его Стаффи**, потому что он ужасно много ест. Тот маленький мальчик рядом с папой Баэром — его сынишка Роб, а следующий, совсем взрослый, — это Франц, его племянник, он тоже ведет уроки и вроде как приглядывает за нами.

* «Деми-» — приставка, означающая «полу», «частично».

** От английского слова *stuff* — жадно есть, объедаться; одновременно *stuffy* может означать «скучный, неинтересный» или «сердитый, надутый».

— Он играет на флейте, да? — спросил Нат, когда Томми умолк, затолкав в рот целиком большое печеное яблоко.

Томми кивнул и ответил раньше, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах:

— Еще как! Мы иногда танцуем и делаем гимнастику под музыку. Я сам люблю барабанить и собираюсь выучиться как можно скорее.

— Я больше всего люблю скрипку и умею играть, — сказал Нат, пускаясь в откровенности: уж очень привлекательной была для него эта тема.

— Умеешь играть? — Томми уставился на него поверх края своей кружки круглыми, полными интереса глазами. — У мистера Баэра есть старая скрипка, и он позволит тебе поиграть на ней, если ты захочешь.

— Смогу поиграть? О, я очень хотел бы поиграть! Понимаешь, я раньше ходил по разным местам и играл на скрипке вместе с моим отцом и еще одним человеком... пока отец не умер.

— Весело было? — поинтересовался Томми, на которого это сообщение произвело большое впечатление.

— Да нет, ничего хорошего: страшно холодно зимой и ужасно жарко летом. Да еще я уставал, так что они сердились иногда; и никогда не кормили досыта. — Нат сделал паузу, чтобы откусить изрядный кусок имбирного пряника, словно чтобы уверить себя, что тяжелые времена позади, а затем добавил с сожалением: — Но я любил мою маленькую скрипку, и мне ее не хватает. Николо забрал ее, когда отец умер, и больше мне ее не давал, потому что я болел.

— Ты будешь в нашем оркестре, если ты хорошо играешь. Вот увидишь.